

ИВАН ГАВРИЛЕНКО,

*доктор философских наук, профессор кафедры
отраслевой социологии Киевского националь-
ного университета им. Тараса Шевченко*

Исторический акционализм как методология исследования исторического процесса

Abstract

There has been presented a new research direction in sociology aimed to analyze historical process. Taking into account various theoretical models of historical process based on corresponding paradigms (Marxist, functional, conflictualist), the author has proved that the historic actionalism methodology would be the most fruitful and adequate for the current situation in Ukraine. If society is a system of historical actions aimed to reform existing relations, then, with the help of presented approach, it can be analyzed like consensus and conflict interactions between all social subjects (groups, organizations, institutes) without exception.

Специфика предмета и методологических ориентаций

Кроме уже известных способов классификации общесоциологических теорий, их еще можно разделить на изучающие общество главным образом как социальную систему и те, что преимущественное внимание уделяют исследованию общества как исторического процесса. Исторический акционализм относится ко второму типу социологических теорий. Предметом данного направления выступают *исторические* действия индивидуальных и коллективных социальных субъектов, включая группы, организации, социальные движения и институты, то есть действия, *нацеленные на преобразование существующих общественных отношений*. Соответственно, здесь преобладает генетический подход, в отличие, например, от функционализма, базирующегося на синхроническом анализе.

Можно сказать, заимствуя выражение известного французского социолога А.Турена, что предметом исторического акционализма есть работа общества над самим собой. Она предполагает оценку существующего по-

рядка с точки зрения некоторой исторической перспективы, теоретическое и культурно-символическое представление самой этой перспективы, а также мобилизацию социальной активности для ее достижения.

Исторический акционализм исходит из предпосылки, что общество способно — в некотором приближении (в каком именно — зависит от характера конкретного общества, что является одним из существенных показателей его социального качества) — проектировать собственное будущее и соответственно действовать. Подобное проектирование представляет собой весьма сложный и противоречивый процесс, включающий предчувствие, прогнозирование, согласование индивидуальных и коллективных действий, достижение согласия как относительно содержания проекта, так и насчет вклада и вознаграждения. Такие действия называются социальной деятельностью (работой) и существенно отличаются от производственного труда: побудительным стимулом к ним является не столько интерес, сколько потребность самореализации; предметом действия становится не природа, а само общество; вознаграждение носит преимущественно моральный (престижный) характер. Иные здесь также инструменты действия: социальный контроль, пропаганда, просвещение, убеждение, переговоры, достижение согласия, договоренности, взаимный демократический контроль и т.д.

Исторический акционализм есть новая версия развития. Она принципиально отличается от ранее известных. Прежде всего — от теории стихийно-эволюционного развития. Последняя исходит из предпосылки, что какое-либо проектирование будущего в принципе невозможно. Каждый индивид, исходя из своего интереса, стремится, в рамках личных возможностей и ресурсов, к его удовлетворению, действуя обычно в конкурентной среде (в столкновении с другими эгоистическими интересами). В результате образуется некий социальный порядок, которого никто конкретно не замыслил и не добивался. Его следует принять в качестве естественной необходимости. Историческая необходимость, в контексте такого подхода, выглядит как некий рок, коллективная судьба, а социальный порядок — как результат действия “невидимой руки” (выражение А.Смита), расставляющей все по местам по воле случая и обстоятельств.

Концепция стихийной эволюции, таким образом, снимает противопоставление субъективного и объективного, целесообразного и стихийного, сознательного и бессознательного, просто отбрасывая все субъективное, целесообразное и сознательное. Основным механизмом исторического процесса в таком контексте выступает стихийное взаимное приспособление социальных элементов. А предметом социологии становится исследование структуры индивидуальных действий, основанных на интересах, оценке ситуации, учете воздействий, возможностей и реакций других людей, своих собственных ресурсов и т.д. Понятно, что *на основе такой методологии возможна социологическая теория воспроизводства, но невозможна теория производства общества*, включающая анализ механизмов формирования новых отношений и структур, нового порядка.

Теория модернизации, как одна из версий исторического процесса, историческим акционализмом не отбрасывается с порога. Определяются только рамки ее применимости. Модернизация как заимствование уже выработанных паттернов социального поведения является достаточно рас-

пространенным, а в некоторых случаях необходимым и даже эффективным механизмом “развития вдогонку”. В этом качестве предмет, методология и результаты данной концепции включаются, будучи соответственным образом переработаны, в теоретическую ткань исторического акционализма. Но при этом следует помнить, что *модернизация есть метод развития обществ, задержавшихся в своем развитии. Исторический же акционализм исследует механизмы не только исторического подражания, но и исторического творчества — формирования ранее не существовавшего, принципиально нового и от других отличного социального порядка.*

Ближе всего предмет исторического акционализма к предмету исторического материализма. Последний, по нашему мнению, является достаточно разработанной версией исторического процесса, рассматриваемого, главным образом, как исторический прогресс. В нем поставлены, в достаточно корректной форме, такие важные для теории исторического процесса проблемы, как определение источников, движущих сил, механизмов и критериев развития, очерчены основные фазы или ступени исторического процесса (общественно-экономические формации), акцентирована особая важность для исторического процесса классовых конфликтов и способов их разрешения, представлен определенный прогноз исторического будущего (коммунистическая утопия) и т.д. Вся эта проблематика историческим акционализмом не только не отбрасывается, а, напротив, подхватывается. *И здесь мы усматриваем основную предпосылку научного преодоления марксизма через обращение к иному, более адекватному современным условиям, решению этих же проблем.*

Имеется некоторое сходство с марксизмом и в методологии анализа (речь идет о марксизме как научной теории, а не о марксизме как “учении”, идеологии или утопии, то есть об академическом, а не политическом марксизме). В частности, исторический акционализм также ориентируется на диалектику как наиболее общую философскую методологию анализа. Диалектика в данном случае понимается как теория выявления, описания и разрешения противоречий.

Вместе с тем, имеются и принципиальные расхождения с марксизмом, затрагивающие и предмет, и методологию исследования. В марксизме общество представлено прежде всего как относительно стихийный (естественно-исторический в его терминологии) социальный процесс. В историческом акционализме — как система осознанных (осмысленных и целесообразных) исторических действий. Поэтому в марксизме история предзадана фатальным и неизбежным образом. Задача же исследования состоит лишь в том, чтобы открыть ее внутреннюю (“железную”) логику и, предсказав будущее, сделать прогноз определяющим принципом исторических действий. По этой причине в марксизме теоретическое внимание нацелено не столько на анализ структуры исторических действий, сколько на предсказание будущего, которое затем и определяет эту структуру. В историческом же акционализме основное внимание уделяется анализу именно структуры исторических действий, а прогнозирование будущего рассматривается лишь как побудительный мотив к историческим действиям.

Соответственно этим принципиальным расхождениям в историческом акционализме существенно иначе разворачивается вся проблематика анализа. Исторический материализм есть некая теория (точнее — спекулятив-

ная философия) всего исторического процесса. Исторический же акционализм делает предметом рассмотрения лишь индустриальные общества. В том числе и потому, что искомым им тип социальных преобразований (сознательно контролируемое, устойчивое и управляемое развитие) возможно только в таком обществе и лишь на достаточно высокой ступени его собственного развития. В историческом материализме анализируются некие безличные факторы (географическая среда, народонаселение, производство, техника, культура и т.д.). В историческом акционализме — реальное взаимодействие реальных социальных субъектов: классов, этносов, конфессий, профессиональных, территориальных, половозрастных и т.д. групп, организаций, социальных движений, институтов. Исторический материализм основное внимание уделяет внесоциальным предпосылкам, автоматически определяющим процесс развития. В результате чего человек и человеческие объединения превращаются в некие марионетки, действия которых определяют те самые факторы, стоящие за ними. В историческом же акционализме внимание акцентируется на социальном качестве социальных субъектов и используемых ими ресурсах действия.

В историческом акционализме принципиально иной подход и к анализу социогрупповой структуры общества. В историческом материализме практически единственным субъектом исторического процесса объявляются классы. В историческом акционализме все социальные группы равноправно соучаствуют в социальных преобразованиях, хотя имеют при этом разные функции. Классы персонифицируют основные социальные конфликты, то есть дифференциацию и стратификацию общества. Этноты и конфессии обеспечивают интеграцию и стабилизацию общества, чтобы сохранить необходимый уровень социального порядка и сплоченности. Профессиональные группы вырабатывают необходимые ресурсы развития (осуществляют социальные накопления и последующую их конверсию в науку, технику, культуру и образование).

Марксизм равнодушен к анализу социальных организаций. Для него они — только инструменты правящего класса. В контексте же исторического акционализма это — очень важный компонент социальных преобразований. Их упорядоченная совокупность обеспечивает способность общества к самоорганизации, стабильности, порядку. Вместе с тем, социальные организации являются важнейшим гарантом развития: хозяйственные осуществляют социальные накопления; политические — демократический контроль за их использованием (продуктивным потреблением); научные и просветительские — обеспечивают созидание ресурсов развития; культурные — формируют перспективные ценностные ориентации и внедряют их в общественное сознание.

Из всех институтов марксизм преимущественное внимание обращает на государство. Все другие у него обречены на отмирание, а практически — на поглощение государством. В контексте исторического акционализма институты равноправны в своих возможностях соучастия в развитии. Но каждый — своим особым образом. Поскольку все они реализуют одни и те же социальные функции (репродуктивную, коммуникативную, селективную, хозяйственную, рекреативную и т.д.), хотя каждый — в соответствии с ресурсами, имеющимися в его распоряжении.

Не менее принципиальные расхождения с марксизмом имеются и в отношении методологии. Во-первых, существенную переработку претерпевает диалектический метод: акцент ставится не на противостоянии и антагонизме, а на примирении и компромиссе. В связи с чем наиболее эффективным способом разрешения противоречий становятся не подавление или распад, а взаимная трансформация и синтез. Вместе с тем решительно отвергается материализм. Но не как собственно философский принцип (эту проблему решают философы), а как постулат, который неизбежно приводит к экономическому детерминизму. Следовательно — к автоматизму и фатализму. В связи с чем история становится жесткой и неподвижной (при всем ее кажущемся динамизме) конструкцией, а исторический прогресс — улицей с односторонним движением. В историческом же акционализме эффективная экономика является лишь необходимой, но не достаточной предпосылкой развития. Достаточной же предпосылкой является характер (социальное качество) социогрупповой структуры. Прежде всего ее наиболее “весомых” групп. Вместе с тем, исторический акционализм отрицает фатальную обусловленность направленности развития. Каждая историческая ситуация представляет собой некоторую совокупность возможностей, стало быть, предполагает выбор и сопряженную с ним историческую ответственность всех без исключения социальных субъектов.

Идейно-теоретические источники

Исходным историческим пунктом формирования исторического акционализма следует, очевидно, считать марксизм. Именно в нем анализируемая проблематика впервые была сформулирована в столь развернутом виде. Но поскольку это — не марксизм (хотя и не *анти*-марксизм), то движение в сторону исторического акционализма происходило прежде всего через критику марксизма.

Правда, сама по себе критика марксизма может вести в сторону любого из существующих социологических направлений. Кроме того, очень часто она еще и не вполне корректна, так как следует путем подмены или существенной трансформации предмета исследования. Наиболее ярким примером этого является функционализм, предмет которого прямо противоположен марксистскому. Функционализм исследует общество как социальную систему, марксизм рассматривает его как исторический процесс. Хотя это одно и то же общество, берется оно в совершенно разных измерениях. Поэтому функционалистская критика марксизма столь же бессмысленна, как и марксистская критика функционализма. Так что в дальнейшем мы будем обращаться лишь к той критике марксизма, в которой сохраняется, хотя бы отчасти, его проблематика, методология и терминологический аппарат.

Одним из первых на этом пути следует назвать Ал.Токвиля. Он, скорее всего, не только не знал работ К.Маркса, но даже и не подозревал о его существовании. Однако примерно в те же годы (и даже в том же городе — Париже) Токвиль выдвинул прямо противоположную марксистской теорию социальной революции. В то время как Маркс усматривал в революции единственно возможный механизм наиболее благополучного разреше-

ния социальных конфликтов (социальных антагонизмов в его терминологии), Токвиль видел в социальной революции скорее препятствие на пути социального прогресса. Анализируя новейшую историю Франции, Токвиль выявил, что с каждой новой социальной революцией общественное положение только ухудшалось, а социальные антагонизмы возрастали. По его мнению, это происходило оттого, что лидером (гегемоном в марксистской терминологии) насильственной смены политического режима была не наиболее обездоленная, а неожиданно, быстро и не вполне справедливо разбогатевшая социальная группа, стремящаяся конвертировать приобретенное богатство во власть. Для этого она должна была поднять на бунт всю или хотя бы преобладающую часть населения, используя его законное недовольство своим положением. Что возможно только в том случае, если народу будет предложена привлекательная социальная утопия, которая, будучи лишь инструментом мобилизации и организации социальной активности, не может быть практически реализована. Следовательно, революция с неизбежностью предполагает гражданскую войну и последующую политическую диктатуру наиболее агрессивной, злобной и аморальной фракции рвущегося к власти класса. А это означает значительную потерю производительных сил и общественных богатств, на восполнение которых в дальнейшем уходят годы и десятилетия.

Новые штрихи к этой картине добавил американский социолог русского происхождения П.Сорокин. Анализируя уроки “русской революции”, он обратил внимание на несколько моментов, имеющих принципиальное значение. Во-первых, подчеркнул он, в результате революции в первую очередь ухудшается общественное положение именно той социальной группы, которая (или от имени которой) она совершается. Во-вторых, братоубийственная гражданская война ведет к общей культурной и моральной деградации общества, поскольку легитимирует насилие внутри общества, одна часть которого начинает вести себя по отношению к другой части как к чужому народу. Наконец, резко ухудшается социогрупповая (прежде всего половозрастная) структура, так как в огне гражданской войны гибнут прежде всего молодые и здоровые мужчины. Смещение половозрастных пропорций образует долго не восполняющуюся демографическую брешь и вновь-таки ведет к падению гражданской (в особенности сексуальной) морали.

В известном смысле к числу предшественников исторического акционализма можно отнести и Л.Троцкого. Его концепцию “преданной революции” можно трактовать как невольно открытую им закономерность всякой революции, которая в конце концов поворачивается против своих же зачинщиков. Принципиальная нереализуемость заложенной в ее основание мобилизующей утопии естественным образом трансформируется в коллективное недовольство и озлобленность разочарованных участников, требующих мести, жертв, “предателей”.

Способствовала осмыслению нового подхода и неомарксистская концепция А.Грамши. По сути, он обосновал принципиальную невозможность насильственной революции в развитом промышленном обществе. Рабочий класс в этом обществе уже не составляет большинство общества, таким скорее становится “средний” класс. Наличие демократических механизмов смены власти превращает в основное орудие политической борьбы не воо-

руженные силы, а пропаганду, просвещение, убеждение, внушение и т.п., короче — социальную деятельность.

Следующим шагом на этом пути стала “критическая теория” социологов Франкфуртской школы, в особенности Г.Маркузе. Они раскрыли властные параметры идеологии и культуры, показав, что скрытая манипуляция поведением гарантирует правящему классу больше возможностей для проявления своей воли, чем прямое и открытое насилие. Отсюда с неизбежностью следуют два важнейших для концепции исторического акционализма вывода: (1) идеологию и культуру следует отнести к числу важнейших показателей классового расслоения, контроль над ними гарантирует социальный контроль вообще; (2) классовая борьба в промышленном обществе смещается в сторону образно-символического взаимодействия, что наполняет ее принципиально новым содержанием. Она становится деятельностью по контролю над производством и конструированием смыслов и ориентаций, в том числе на историческую перспективу. Значит, правящим здесь становится класс, контролирующей культурную модель будущего. Или иначе: класс, являющийся правящим, контролирует культурную модель будущего.

Заслуживает внимания и тезис относительно потери революционности рабочим классом и прихода ему на смену новых субъектов социального протеста: молодежи, цветных, безработных и т.п. Отсюда следует, что класс — это скорее функция, чем структура. Стало быть, представление и разрешение классового конфликта при известных предпосылках могут брать на себя другие социальные группы, если они чувствуют себя в рамках существующего социального порядка отчужденными и обездоленными.

Р.Дарендорфа уже можно отнести к числу прямых предшественников исторического акционализма. Прежде всего он восстановил в правах, подтвердив его продуктивность, конфликтуалистский подход, освободив социологию от известного засилья функционализма, методология которого начала интерпретироваться как единственно возможный способ социологического анализа. Дарендорф открыл новые перспективы конфликтуализма, оторвав его от жесткой связки с марксизмом, и отбросив насильственно-революционный подход, раскрыл предпосылки функционального (конструктивного и продуктивного, без потери достигнутого) разрешения социально-классовых конфликтов. Таких предпосылок две: (1) законный способ представления, развертывания и разрешения конфликтов; (2) уровень социальной зрелости подчиненного класса. Дарендорф также описал основные ступени созревания класса: идентичность (осознание реального положения и связанных с ним интересов); оппозиция (определение своего классового противника); борьба (практическое разрешение конфликтов).

Устранение незаконных форм разрешения социальных конфликтов смещает классовую борьбу в сторону коммуникативного взаимодействия и демократического контроля. Представление классовых интересов партиями, профсоюзами, гражданскими организациями или социальными движениями теперь уступает место контролю “снизу” за их деятельностью. В результате социальная база (классы или другие группы интересов) превращается в активного субъекта политического взаимодействия. Критерием классовой принадлежности некоторой политической структуры теперь

становится не презентация чьих-то интересов сама по себе, а степень демократического контроля за ее деятельностью со стороны той социальной базы, которую данная структура намеревается представить.

Правда, в некоторых отношениях Дарендорф все еще остается под влиянием марксистской доктрины. В частности, преимущественное внимание он уделяет анализу подчиненного класса, считая, видимо, что способ разрешения социальных конфликтов определяется прежде всего его характером. Между тем, преимущественное значение имеет как раз характер правящего класса, поскольку именно его деятельность по форме и содержанию ближе всего к социальной деятельности (управлению, контролю, мотивации, вознаграждению, формированию культурной модели будущего и т.д.). Его понимание классов носит скорее структуралистский, чем функционалистский характер: класс анализируется скорее как некое явление, чем как функция. Основываясь на таком подходе, практически невозможно объяснить, почему классовую по задачам борьбу ведет неклассовая структура (этнос, конфессия, организация, институт или социальное движение). Иначе придется возвращаться на марксистские позиции, рассматривая неклассовые образования исключительно как потенциальных или реальных союзников (как бы подчиненных) класса. В силу такой нацеленности анализа Дарендорф упорно ищет объективный или, точнее, естественный признак класса, признав, в отличие от марксизма, таковым не богатство, а власть.

Непосредственным же фундатorem исторического акционализма является современный французский социолог А. Турен. В своих главных работах (“Социология действия”, “Рабочее сознание”, “Майское движение и утопический коммунизм”, “Постиндустриальное общество”, “После социализма”, “Общество против государства”, “Социальные актеры и политическая система в Латинской Америке”, “Рабочее движение”, “Возвращение актера” и др.) он сформулировал его основную тематику, обосновал методологию анализа, представил достаточно развернутое решение поставленных проблем и убедительную теоретическую модель исторического процесса. Описать его социологическую систему означало бы изложить основы исторического акционализма, что в данном случае и невозможно, и неуместно. Поэтому остановимся только на тех моментах его доктрины, которые имеют принципиальное значение и составляют совокупность методологических принципов анализа.

Социальная система в его теории выглядит как система исторических (социотворческих) действий, совершаемых социальными акторами (личностями, группами, организациями, движениями, институтами) с целью формирования новых общественных отношений (нового социального типа общества). Ни один из них не имеет наперед заданных преимуществ, так же как никто не исключается из числа соучастников исторических событий. Хотя вкладывают они в этот процесс ресурсы различного социотворческого потенциала, отчего имеют различные уровни вознаграждения. Жесткий экономический детерминизм марксизма отбрасывается. Состояние производства и экономики считается необходимой, но не достаточной предпосылкой развития. Достаточной же признается социоклассовая структура общества, чем вводится очень важная для социологии возмож-

ность объяснить социальное (исторический процесс) посредством социального же (состояния групп, организаций, движений и институций).

Критерием классового расслоения общества у Турена является не богатство (марксизм) или власть (конфликтуализм), а мера классового контроля над историчностью (перспективными ценностными ориентациями, социальными накоплениями, изъятиями и производством ресурсов развития). В каком-то смысле, это те же богатство и власть, только взятые исключительно в качестве социотворческого ресурса. Вместе с тем значительно большую роль начинает играть престиж (социальная поддержка и одобрение определенных действий социальных субъектов). Стало быть, богатство и власть выступают теперь в качестве инструментов социального действия лишь в той мере, в какой они конвертируются в социальный престиж (находят поддержку и одобрение). В силу этого сама власть становится не столько инструментом принуждения и подавления, сколько средством воздействия на коллективные мотивы поведения путем разъяснения, убеждения, поощрения, поддержки и приобщения. Значит, существенную трансформацию претерпевает государство как основной институт власти; оно интерпретируется скорее как инструмент легализации и легитимации, принятия и исполнения решений, чем репрессивного подавления или формального контроля. Государство уже не творец социальных порядков, а только законный гарант законных же форм социального взаимодействия. Социальная активность, таким образом, смещается из сферы государства в пространство гражданского общества. Более активными социотворческими субъектами становятся другие институции (церковь, семья, школа, культура, наука и т.д.), а также неинституционализированные образования (организации, движения, социальные инициативы и самодеятельность).

Ввиду того, что необходимой (но не достаточной) предпосылкой социального развития являются социальные накопления и последующие изъятия (продуктивное инвестирование в науку, технику, образование и культуру), особое значение приобретают социальные организации. Здесь особую важность имеет автономность их действий, обеспечивающая инициативу, предприимчивость, необходимый уровень самодеятельности и конкурентную среду взаимодействия. Основным механизмом регуляции их деятельности является рынок; он интерпретируется как механизм социального признания (одобрения и поддержки) произведенного продукта (товаров, услуг, информации, знаний, ценностных ориентаций и т.д.). Рынок не обязательно предполагает частных собственников, поскольку автономность действий и конкурентность отношений может быть обеспечена и на основе иных форм собственности (коллективизации, акционирования, других форм кооперации). Государство вмешивается в деятельность социальных организаций только в случае нарушения ими законов или морали данного общества.

Вообще государство, как единственный законный институт насильственных форм контроля, принуждения и подавления, составляет серьезную теоретическую и практическую проблему любого общества. Во-первых, очень важно четко определить сферу его полномочий и компетенции, так как избыточное огосударствление ведет к тоталитарному перерождению общества. Во-вторых, неподконтрольный рынок угрожает несправед-

ливой социальной стратификацией, поскольку он признает только конкурентоспособность ресурсовладельцев, их обменный потенциал и способен подавить или заглушить положительно направленную социальную активность, источником которой не обязательно является коммерческий интерес. В этом плане государство является инструментом социальной защиты. В-третьих, перспективные ценностные ориентации (культурная модель будущего) окончательно принимают законную форму, только превратившись в государственную идеологию, утопию или хотя бы политическую риторику. А это угрожает тем, что развитие станет не добровольным общественным выбором на основе гражданского согласия и межгрупповых конвенций, а принудительным действием со стороны государства, которое в конце концов может стать инструментом диктатуры в руках той группы, интересы и волю которой культурная модель будущего в наибольшей степени выражает.

Чтобы этого избежать, государство должно быть оцеплено многокольцевой системой демократического контроля. Взаимный контроль должен быть не только со стороны отдельных ветвей власти, прессы и общественного мнения. Другие институты (церковь, школа, семья, наука, культура и пр.) должны быть достаточно автономными и независимыми, чтобы не только избегать непродуктивного государственного вмешательства, но и противостоять ему, в законной, разумеется, форме. Кроме того, государство охватывается цепким контролем со стороны политической системы (упорядоченной совокупности политических партий, профсоюзов, общественных организаций и гражданских инициатив), в свою очередь, достаточно подконтрольных своим социальным базам.

Перспективные ценностные ориентации приобретают в такой ситуации особое значение. Прежде всего, сама классовая борьба, которая всегда потенциально способна из мирной и законной перерасти в насильственную и анархическую, стать “праздником народных масс”, должна получить некую защитную социальную оболочку в виде социальных (исторических) движений. Последние, в отличие от классовой борьбы, нацелены на выражение именно культурных ориентаций, а не экономического интереса, то есть они являются носителями не классовой идеологии, а социальной утопии. Объединяют социальные движения в своих рядах представителей не одной классовой группы, а многих однородных групп, что позволяет им косвенно контролировать саму классовую борьбу, препятствуя перерождению ее в насильственную политическую революцию, разборку политических элит или дворцовые распри и перевороты.

Из сказанного становится ясным основной методологический принцип, заложенный А.Туреном в основу анализа. *Контролируемое развитие есть результат взаимодействия социальных субъектов, соотносящихся между собой на основе четко очерченных правил представления своих интересов и взаимного контроля за их реализацией.*

Модели исторического процесса

Кроме диалектики как наиболее общей методологии исследования исторический акционализм широко использует метод сравнительных исторических исследований. Это обусловлено тем, что он отказывается пред-

ставлять исторический процесс в виде унифицированной и единообразной в своих проявлениях линии развития. Исторический акционализм исследует скорее *общества*, чем *общество*, конкретные исторические ситуации, чем однолинейную историческую эволюцию. Это означает отказ от заранее заданной и единой для всех модели, под которую подверстывались бы особые общественные состояния.

Отсюда следует необходимость формирования теоретических моделей, в которых были бы представлены различные исторические типы социального развития. *Историческими типами развития мы называем особый, характерный для некоторых общественных условий, способ соединения различных моментов и структурных элементов* (предпосылок, условий, механизмов, взаимодействующих субъектов, культурной модели будущего, социальных накоплений, изъятий и продуктивного инвестирования, социальной мобилизации и вознаграждения, общественного консенсуса и классовых конфликтов и т.д.) *в единый, цельный и внутренне упорядоченный в своих частях исторический процесс*. По-нашему мнению, существует, по меньшей мере, три таких исторических типа развития: стихийно-эволюционный, насильственно-революционный, реформационно-консенсусный (термины при дальнейшем накоплении материала и достижении большей теоретической ясности могут быть модернизированы). Каждый из них характеризуется своим особым набором и особым способом их исторической связи.

Стихийно-эволюционный тип развития в значительной мере отвечает теоретической модели, которая представлена в классических работах А.Смита и его последователей (теориях обмена, человеческого капитала, рационального поведения и др.). Расхождение состоит в том, что, по нашему мнению, это — не единственно возможный, а лишь один из теоретически и практически возможных вариантов развития. Может быть, достаточно распространенный, даже “естественный” (в смысле — стихийный, заранее непроектируемый, сознательно не управляемый), но далеко не самый эффективный и продуктивный. И очень мало адекватный развитому промышленному обществу.

Экономика при таком типе развития малодинамична (как в смысле роста, так и падения), социальные накопления осуществляются преимущественно в индивидуально-частной форме. Изъятия и последующая их конверсия в ресурсы развития не носят целенаправленного характера, а выглядят, скорее, как личная или групповая инициатива. Обогащение и обеднение (во всех их проявлениях, включая власть и престиж) происходят медленно. Поэтому формирование социальных субъектов осуществляется вяло и почти незаметно для самих агентов социального взаимодействия. Соответственно, партии и другие представительские структуры с трудом “нащупывают” свою социальную базу, которая, к тому же, почти не способна ответить на их идеологические сигналы. Правящий класс в таких условиях слабо ориентирован на историческую перспективу и не стремится возглавить исторический прогресс. Он нацелен не столько на производство, сколько на потребление. Его не очень интересует производство средств производства и совсем не интересует производство средств развития (науки, техники, культуры и образования). Его идеология носит апологетический и самозащитный характер, а социальная утопия обраще-

на назад, в историческое прошлое, то есть является ретроутопией, идеализацией “славного” прошлого.

Подчиненный класс в такой ситуации выглядит подавленным и малоинициативным. Он лишен самосознания и самоорганизации. Его основная характеристика — бедность. Не только экономическая (отчуждение от средств производства, его целей, условий, произведенного продукта, труда, природы, в том числе своей собственной — способностей и задатков), но и политическая (безвластие) и культурно-идеологическая (принадлежность к этой группе расценивается как несчастье и обреченность). Интересы этого класса также концентрируются на потреблении, однако с целью физического выживания. Он целиком погружен в повседневность обыденного существования (тематика его словесного дискурса — зарплата и цены) и равнодушен к общественным делам (любая попытка вовлечь его в социальную деятельность рассматривается как злонамеренная хитрость и необоснованное посягательство на частную жизнь). Ценностные ориентации такого класса представлены главным образом в формах коллективной психологии, проявляясь как ситуативное недовольство, бесцельное раздражение или безадресные жалобы. Идеология либо отсутствует вовсе, либо носит раздраженно-бунтарский и абстрактно-разоблачительный характер (“их” злодеяний). Утопия если и наличествует, то также как идеализация исторической ретроспективы, “когда паны были добрыми, а холопы — сытыми”. Он не имеет представительских структур либо не контролирует их деятельность. Поэтому никаким образом не влияет на политику государства, которое точно так же к нему равнодушно, требуя лишь формального подчинения и ритуальной законопослушности. Институтом, реально организующим и контролирующим жизнедеятельность этого класса, является церковь, а основным пространством развертывания осмысленной социальной активности — семья. Отчуждение от экономики и политики логически завершается отчуждением от науки, культуры и образования.

Равнодушие государства и его контролирующего класса к исторической перспективе делает стихийное и спонтанное приспособление различных социальных элементов друг к другу единственно возможным механизмом социальной эволюции. Проявляется она, главным образом, как приспособление всего социального порядка к экономической сфере. Именно из опыта такой ситуации возникает, по нашему мнению, как экономический детерминизм марксизма (производство — движущая сила исторического развития), так и функционалистский детерминизм структурного функционализма (эволюция социальной системы проявляется как адаптация всех сфер общественной жизни к экономике, которая, в свою очередь, является инструментом приспособления к окружающей среде).

Насильственно-революционный тип развития имеет противоположные характеристики. Его необходимой предпосылкой является динамичная экономика, ее быстрый рост или спад. Рост при этом выступает более вероятным условием, поскольку резкий спад сопровождается, скорее, тотальным “ступором”, “оценением” всей социогрупповой структуры, так как большинство теряющих свои прежние социальные позиции групп судорожно стремятся на них удержаться, затрачивая на это всю энергию и ресурсы. В случае же быстрого экономического роста возникают две группы, соединение усилий которых формирует взрывоопасную революцион-

ную ситуацию. Одна из них активно обогащается, оставаясь по-прежнему отчужденной от политической власти (принадлежащей традиционно правящему классу). Другая (в большинстве случаев, основная или значительная масса населения) — либо абсолютно, либо относительно (обогащающейся группы) беднеет. Возникают две одинаково (хотя и по разным причинам) недовольные и раздраженные гомологичные (сходные в некотором отношении) группы. На почве их общего неудовлетворения существующими порядками формируются мобилизационная идеология и привлекательная социальная утопия, способствующие формированию достаточно широкомасштабного социального протеста.

Субъектом социального протеста в этом случае выступает своеобразное социальное образование, которому трудно подобрать название. Это — не классы, во всяком случае — не зрелые классовые образования. “Новые богатые” еще не вполне осмыслили свое историческое призвание, кроме простейшей и очевиднейшей задачи — завоевания политической власти. “Новые бедные”, пополняя и растворяя ряды традиционных бедных, так же не могут определиться относительно своего положения (которое еще не стабилизировалось), интереса (объективно отсутствующего), классового противника. Правящий класс разделяется на две относительно автономные фракции — “новых богатых” и “старых властных”. В этих условиях трудно, почти невозможно выявить виноватого и ответственного. Единственным понятным и очевидным моментом ситуации является осознаваемая всеми носителями протестного заряда необходимость изменить ситуацию, используя для этого политическую власть, захват которой и становится “основным вопросом” социальной революции.

Вовлекая значительные массы населения, такая акция отчасти выглядит как социальное (историческое) движение. Главным образом, по своей социальной базе. Являясь обширным межгрупповым объединением, она социоструктурно похожа на социальное движение, но отличается от него целями. Действительной целью действительного социального движения выступает изменение культурных ориентаций общества, а эта структура стремится, прежде всего, к захвату политической власти.

Таким образом, социальной основой социальных революций является сложный конгломерат квазигрупп и квазисубъектов: классов, и в то же время не совсем классов; социального движения, и в то же время не вполне движения. В основе такого конгломерата лежит очень неупорядоченная социальная конфигурация: совокупность гомогенных групп, еще не закончивших свое историческое формирование. Их социальная незрелость и определяет лицо последующей революционной драмы или трагедии.

Но такая ситуация не может длиться слишком долго. Захват власти и смена политического режима функционально требуют появления дихотомической классовой структуры. Совершенно очевидно, что в этом “социально бульоне” должен созреть руководящий правящий класс. Он достаточно организован, сплочен и агрессивен (ковался в огне революционных боев и гражданской войны на выживание), обладает мобилизующей политической идеологией, поддерживает или полностью разделяет привлекательную социальную утопию, полностью контролирует государственный аппарат (политические противники физически или морально уничтожены), все еще нацелен на историческую перспективу, не потерял инерции

социального движения и массовой поддержки. Уже находясь у государственного руля, революционный авангард продолжает оставаться носителем мятежной — разоблачительной, агрессивной и деструктивно направленной — идеологии (поскольку частично впитал настроения представляемой им социальной базы, частично — ценностные ориентации широкого социального движения, от которого еще не оторвался), а также выразителем привлекательной социальной утопии. В результате он имеет двойную культурную легитимацию власти, что позволяет обосновать, благодаря контролю над инструментами государственного принуждения, любые формы расправы над любыми “врагами” класса, нации или конфессии. Иными словами, он — новый правящий класс — располагает тотальной властью, используя ее для формирования тоталитарного социального порядка.

Подчиненный класс при этом скорее всего превратится в порабощенный, несмотря на свою прежнюю революционность. Он не завершил своего формирования в протестующий (организованный, самостоятельный, консолидированный, со своими собственными представительскими структурами, способными к демократическому контролю за государством). Еще меньше у него предпосылок для этого в условиях революционной и постреволюционной диктатуры. Его идеология и утопия уже монополизированы правящим классом и приняли вид официальных ценностных ориентаций. При власти находится его прежний политический союзник, что существенно затрудняет идентификацию, оппозицию и борьбу. Идеологически он как бы и сам находится при власти (диктатура класса, этноса или конфессии), “на время” препоручив ее своему союзнику. Однако это время так же растяжимо, как растяжимо время исполнения любой утопии, фактически — навсегда.

Соединение в качестве центральных фигур исторического процесса господствующего-руководящего и подчиненного-порабощенного классов создает все необходимые предпосылки для революционно-насильственного типа развития. Господствующий класс, используя полностью им контролируемые механизмы государственного принуждения, способен на организацию эффективной экономики, динамичного экономического роста. Идеология и утопия обездоленных, взятая им на вооружение, не позволяют немедленно приступить к роскошному потреблению. Поэтому имеет место активное социальное накопление. Его государственная форма значительно облегчает изъятие и продуктивное конвертирование в науку, технику, культуру и образование. Характер идеологии и утопии существенно облегчают достижение формального, насильственно навязанного общественного консенсуса (идейно-политического единства общества, в советской терминологии) и активную коллективную мобилизацию, проявляющуюся преимущественно в форме идеологически-утопического энтузиазма.

Характер подчиненного (порабощенного) класса позволяет заключить, что в исторических ориентациях меньше всего будет учтен его собственный интерес. Исторический прогресс осуществится за его счет, не позволяя ему вести “торги” относительно распределения вклада и вознаграждения. К тому же огосударствление идеологии и утопии означает их силовую защиту со стороны государства. Это приводит к созданию соответствующей

щих репрессивных структур (идеологического аппарата партии, КГБ либо СС, шариатских судов и т.п.).

Такой исторический прогресс может совершаться достаточно быстрыми и впечатляющими темпами. Однако он несет в себе собственное отрицание. Порабощение подчиненного класса истощает его ресурсы и порождает непреодолимую социальную апатию, в связи с чем социальная мобилизация (при отсутствии надлежащего вознаграждения) становится все более затруднительной. Насильственная консолидация не высвобождает достаточной социальной энергии, поскольку не сопровождается справедливой (по критерию вклада в развитие) общественной стратификацией. Не встречая сопротивления, правящий класс теряет прежний динамизм, из “элиты львов” превращается в “элилу лис”. Не подвергаясь надлежащему контролю, он все больше погрязает в роскошном потреблении. Его революционная идеология неизбежно трансформируется в официальную риторику, становясь скучной казенной фразой, бессодержательной демагогией профессионально подготовленных лжецов. Утопия также теряет свою прежнюю привлекательность, все больше удаляясь за видимые горизонты истории.

Консенсусно-реформационный (управляемый и контролируемый) **тип развития** есть некоторым синтезом двух предыдущих и отвечает той искомой модели, которую разрабатывает и защищает исторический акционализм. Подобно стихийно-эволюционному, такое развитие предполагает спонтанное творчество социальных субъектов и естественное (обусловленное лишь конкретными обстоятельствами социальной интеракции) их взаимное приспособление. Кроме того, этот тип развития подобно насильственно-революционному, предполагает предварительное проектирование будущего, контроль и управление его реализацией. Стало быть, он допускает принуждение и даже подавление отклоняющихся форм индивидуального и коллективного поведения. Вместе с тем, контроль в этом случае не является лишь реализацией интереса и воли одного из социальных субъектов и подчиненных ему институциональных и организационных структур. Это, прежде всего, взаимный контроль всех без исключения социальных субъектов на основе законных форм протестного взаимодействия, конвенций, договоренностей и контрактов. Предполагается, следовательно, баланс интересов, ресурсов, вклада и вознаграждения.

Это становится возможным (и даже необходимым) при следующих предпосылках. Экономика должна иметь безусловную положительную динамику. Не обязательно слишком ускоренную, так как отрыв экономического прогресса от других элементов социальной системы вводит в историческую эволюцию дисбаланс, который может стать трудно преодолимым и дестабилизировать общий социальный порядок. Социальные накопления должны осуществляться одновременно в индивидуальной, коллективной и институциональной формах. Коллективные накопления считаются наиболее желательными, поскольку индивидуальные и институциональные труднее поддаются изъятию (первые тяжело контролировать, вторые, в связи с естественной мощью социальных институтов, — изымать). Классы (как и другие социогрупповые субъекты) должны, безусловно, иметь зрелую форму. Это значит, что господствующий класс является в то же время и руководящим, способным на организацию эффективной экономики,

продуктивно инвестируемые изъятия, социальную мобилизацию (на основе вырабатываемой им непосредственно или только поддерживаемой культурной модели будущего). Он также должен быть способен на адекватное вознаграждение и справедливую стратификацию (на основе вклада в процесс развития), иметь поддерживаемую другими субъектами продуктивистскую идеологию (теоретически обоснованную ориентацию на эффективные экономические и управленческие действия). Внутри господствующего класса должна соблюдаться нормальная пропорция его особых групп и фракций (хозяйственников или бизнесменов, законодателей, идеологов, “политиканов”, пропагандистов, синдикалистов и пр.). Он не обязательно должен состоять из наиболее богатых людей данного общества или полностью и в полном объеме контролировать движение труда, его продуктов, капиталов и рабочей силы. Однако его власть должна быть легитимной (полученной на основе законов и морали данного общества) и престижной (иметь достаточную поддержку и одобрение со стороны основной части или большинства населения).

Ему противостоящий подчиненный класс должен быть одновременно и протестующим. Это значит, что он является достаточно самосознательным (идентифицирующим собственное положение и связанный с ним интерес), консолидированным (имеющим четкое представление о социальном противнике, “образ врага” как основной механизм сплочения в “мы-группу”), социально активным, а также имеет свои, им контролируемые, представительские структуры (партии, профсоюзы, общественные организации, гражданские инициативы). Благодаря этому он способен к демократическому контролю над государством и его политической стратегией и к воздействию на другие социальные институты (церковь, школу, науку, культуру и т.д.).

Разумеется, его непосредственный интерес сосредоточен прежде всего в пространстве социальных, в особенности — хозяйственных (представляющих собой основную сферу приложения его труда) организаций. Здесь и находит основное выражение социальная активность этой группы, в форме контроля над распределением труда и его результатов. Тем более, что контроль условий труда и вознаграждения за него не требует какой-то особой социальной компетенции. В других же областях этот класс вынужден делегировать право контроля представительским организациям. Стало быть, ведущей формой классовой борьбы становится экономическая, а не политическая, на которой особенно яростно всегда настаивал марксизм. В политической же сфере задачей данного класса является не завоевание власти и установление классовой диктатуры (непосредственное осуществление данным классом, составляющим обычно большинство населения, государственной власти практически невозможно; контроль же за непосредственной деятельностью государственных чиновников для него крайне затруднителен, в силу слабой образованности и культурной компетенции). В культурно-идеологической сфере его борьба состоит в том, чтобы не допустить избыточного обесценивания его культуры, быта и образа жизни, а также препятствовать тому, чтобы в общественном сознании социальное господство утверждалось как законный результат культурного превосходства, и легитимировать право на роскошное потребление и социальные привилегии.

В таком обществе должна быть достаточно зрелой основная этническая группа, обеспечивающая, на основе “интегративного национализма”, консолидацию основной массы населения (титульного этноса). Вместе с тем, необходима достаточная сплоченность политической нации, что обеспечивается равноправием участия всех этнических меньшинств в социокультурном и социотворческом процессе. Желательно, хотя и не обязательно, иметь также зрелую конфессию, идеальный случай — единую религиозную группу. Обе эти группы (этносы и конфессии) функционально нацелены на социальную консолидацию, то есть призваны удерживать социальные конфликты в рамках избранных перспективных ориентаций и проектов.

Основными творческими субъектами такого общества являются социальные организации, поскольку его главной исторической задачей становится социальное накопление (функция хозяйственных организаций) и продуктивное изъятие (функция партий, профсоюзов, гражданских организаций, а также учреждений науки, культуры и образования). Поэтому в данном контексте теоретические и практические проблемы сводятся к тому, чтобы выявить предпосылки и условия соучастия этих субъектов в социотворческом процессе. При этом очень важно не допустить, с одной стороны, чрезмерной их самостоятельности, полного подчинения рынку, признающего лишь критерии эффективности и конкурентоспособности, с другой — чрезмерного ограничения их инициативы и предприимчивости. Слишком жесткий контроль со стороны угнетенного класса (группы исполнителей в структуре организации, югославский опыт) за справедливым распределением угрожает организации потерей эффективности, “продажей” накопленных ресурсов. Слишком жесткий контроль со стороны государства (советский опыт) приводит к исчезновению конкурентно-рыночных отношений между организациями, их бюрократизации, потере инициативы и предприимчивости. В конечном счете, это ведет к исчезновению самих социальных организаций как автономно действующих структур, их превращению в административные органы государства. Социальная система при таких предпосылках превращается в некоторую квази-организацию или командно-административную систему, а система исторических действий — в систему начальственных распоряжений и принуждений, повсеместного и самодостаточного вертикального (сверху—вниз) контроля. (Такая ситуация характеризует скорее насильственно-революционный, чем консенсусно-реформационный тип развития.)

Особое значение в ситуации управляемого развития приобретают политические организации — партии, профсоюзы, социальные движения, гражданские инициативы. Классовая борьба никогда не является всеобщей (с участием всех индивидов взаимодействующих групп) и непрерывной. К тому же классы обычно непосредственно не контактируют, они разведены в социальном пространстве и времени. За исключением социальных организаций, в которых классовая борьба проявляется в форме непосредственного взаимодействия распорядителей (“начальства”) и исполнителей (подчиненных). Это — еще одно доказательство того, что экономическая борьба есть наиболее естественной и ведущей формой классовой борьбы. Во всех других случаях взаимодействие классов подменено взаимодействием их политических авангардов. Именно здесь классовый

интерес приобретает законную форму репрезентации, развертывания и разрешения.

Кроме того, в деятельности политических структур могут быть также представлены интересы других социальных субъектов (этносов, конфессий, профессиональных, территориальных и т.п. групп, организаций, социальных движений). Наконец, политические организации составляют основной инструмент демократического контроля над деятельностью государства, которое естественным образом всегда тяготеет к авторитарному, деспотическому или тоталитарному перерождению. Без этого инструмента невозможен также взаимный демократический контроль всех других социальных субъектов; возможен лишь односторонний административный контроль со стороны государства (и партии, в случае тоталитарного перерождения самого государства). Без демократического взаимного контроля становится невозможной сама социальная деятельность как основное условие искомого типа социального развития.

Использованная литература

- Американская социологическая мысль : Хрестоматия. — М., 1994.
- Бергер П., Лукман Г.* Социальное конструирование действительности. — М., 1995.
- Гавриленко І.М., Чепак В.В.* Загальносоціологічна теорія : Науково-методичні та інформаційні матеріали. — К., 1998.
- Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. — К., 1994.
- Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. — 1994. — № 5.
- Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразований. — М., 1992.
- Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. — 1994. — № 3.
- Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. — М., 1993.
- Социальный конфликт: современные исследования. — М., 1991.
- Уоллерстайн И.* Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы философии. — 1993. — № 1-2.
- Altusser L.* Ideologie et appareil ideologique d'Etat. — P., 1976. — P. 76–123.
- Boudon R.* Effets pervers et ordre sociales. — P., 1977.
- Boudon R.* L'ideologie et l'origine des idees recues. — P., 1986.
- Etzioni A.* The Active Society. — N.Y., 1968.
- Social Theory. — Oxford; Cambridge, 1996.
- Touraine A.* Sociologie de l'action. — P., 1965.
- Touraine A.* Production de la societe. — P., 1973.
- Touraine A.* Le retour de l'acteur. — P., 1989.
- Touraine A.* Critique de la modernite. — P., 1992.